

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-295-314
EDN: UBGGJQ

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЧЕРКЕССКИХ ДИАСПОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ТУРЕЦКОЙ ВЫБОРКИ)

Лариса Халифовна Дзасежева¹, Марина Мацевна Кумыкова²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, dzasezheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1649-1900>

² Эрджиес университет, Кайсери, Турция, marinakumyкова@erciyes.edu.tr, <https://orcid.org/0000-0003-3913-9627>

Аннотация. В статье рассматриваются социолингвистические механизмы конструирования черкесской (адыгской) идентичности в зарубежных диаспорах в условиях преобладания языков стран проживания. Материалом исследования послужили данные онлайн-опроса 827 респондентов, преимущественно из Турции, а также открытые ответы, обработанные методом тематического кодирования. Уровень владения черкесским языком оценивался по четырем видам речевой деятельности: пониманию, говорению, чтению и письму. Результаты показывают, что, несмотря на выраженную этническую самоидентификацию, в семейном общении заметен сдвиг в сторону языка большинства. Владение черкесским языком носит поляризованный характер и отличается асимметрией: понимание обычно сохраняется лучше, чем говорение, а чтение и особенно письмо оказываются наиболее уязвимыми. Ключевым основанием групповой принадлежности респонденты считают *адыгэ хабзэ*; важную роль также играют общественные организации, эндогамные связи и медиапрактики. Цифровые платформы поддерживают культурную вовлеченность, но редко способствуют возвращению черкесского языка в повседневное домашнее общение. Показано, что представления об «аутентичной» черкесской идентичности по-прежнему связываются с языком, тогда как в реальных стратегиях сохранения чаще используются ритуалы, музыка и коллективная память. В ответах на вопрос об угрозах сохранению черкесской культуры в диаспоре респонденты чаще всего называли ассимиляцию, смешанные браки, урбанизацию и недостаток образовательной инфраструктуры. В заключение обозначены условия, способные усилить межпоколенную передачу языка и развитие грамотности.

Ключевые слова: черкесские диаспоры; межпоколенная трансмиссия; языковой сдвиг; диглоссия; кодовое переключение; цифровая медиатизация

Для цитирования: Дзасежева Л.Х., Кумыкова М.М. Социолингвистическое конструирование национальной идентичности в черкесских диаспорах (на материале преимущественно турецкой выборки) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 295-314. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-295-314. EDN: UBGGJQ.

© Дзасежева Л.Х., Кумыкова М.М., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

SOCIOLINGUISTIC CONSTRUCTION OF ETHNICAL IDENTITY IN CIRCASSIAN DIASPORAS (EVIDENCE FROM A PREDOMINANTLY TURKISH SAMPLE)

Larisa Kh. Dzasezheva¹, Marina M. Kumykova²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, dzasezheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1649-1900>

² Erciyes University, Kayseri, Turkey, marinakumykova@erciyes.edu.tr, <https://orcid.org/0000-0003-3913-9627>

Abstract. This article examines the sociolinguistic mechanisms underlying the construction of Circassian (Adyghe) identity within overseas diaspora communities in the context of host country language dominance. The study draws on data from an online survey of 827 respondents, predominantly residing in Turkey, alongside open-ended responses analyzed through thematic coding. Circassian language proficiency was assessed across four communicative domains: listening comprehension, speaking, reading, and writing. The results indicate that, despite strong ethnic self-identification, there is a noticeable shift toward the majority language in domestic communication. Circassian language proficiency exhibits a polarized and asymmetrical pattern: receptive skills (comprehension) are generally better preserved than productive skills (speaking), while reading and, particularly, writing prove to be the most vulnerable domains. Respondents identify Adyghe Khabze as the fundamental basis of group membership, while community organizations, endogamous ties, and media practices also play a significant role. While digital platforms sustain cultural engagement, they rarely facilitate the reintegration of the Circassian language into everyday domestic discourse. The study demonstrates that although notions of an "authentic" Circassian identity remain closely associated with the language, actual preservation strategies more frequently rely on rituals, music, and collective memory. When asked about the primary threats to the preservation of Circassian culture in the diaspora, respondents most frequently cited assimilation, intermarriage, urbanization, and a lack of educational infrastructure. In conclusion, the article outlines the conditions necessary to enhance intergenerational language transmission and foster literacy development.

Keywords: Circassian diasporas, intergenerational transmission, language shift, diglossia, code-switching, digital mediatization

For citation: Dzasezheva L.Kh., Kumykova M.M. Sociolinguistic construction of ethnical identity in Circassian diasporas (evidence from a predominantly turkish sample). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 295-314. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-295-314. EDN: UBGJQ.

© Dzasezheva L.Kh., Kumykova M.M., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Черкесские (адыгские) диаспоры, сформировавшиеся вследствие мхаджирства второй половины XIX в. и последующих миграционных волн, принадлежат к числу наиболее длительных и социокультурно устойчивых исторических диаспор. Для многих зарубежных общин характерно сочетание высокой этноориентированной самоидентификации, поддерживаемой через родственные связи, нормы поведения, ритуальную культуру и коллективную память, с заметным языковым сдвигом в пользу доминирующих языков государств проживания. Подобная асимметрия делает черкесский материал показательным для анализа

того, каким образом этническая принадлежность воспроизводится при ослаблении языка как повседневного средства коммуникации и какие ресурсы в этих условиях обеспечивают сохранение символических границ сообщества.

Цель статьи – описать и интерпретировать социолингвистические механизмы формирования и поддержания черкесской (адыгской) этнической идентичности в зарубежных диаспорах в условиях доминирования языков принимающих обществ. Эмпирическую основу исследования составляют главным образом данные турецкой черкесской диаспоры (82,5 % выборки); полученные выводы с необходимыми оговорками распространяются и на другие регионы расселения. В прикладном плане работа направлена на выявление факторов, влияющих на сохранение или утрату черкесского языка и культурной преемственности в условиях проживания нескольких поколений вне исторической родины.

Объект исследования – воспроизводство этнической принадлежности и групповых границ в черкесских (адыгских) диаспорных сообществах. Предмет исследования – социолингвистические механизмы поддержания и легитимации принадлежности к черкесской (адыгской) общности: распределение языков по сферам употребления, уровень языковой компетенции, практики межпоколенной передачи черкесского языка, языковые идеологии и представления об аутентичности черкесской идентичности, а также роль *адыгэ хабзэ*, общественных организаций и цифровых платформ в поддержании этой принадлежности.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в исследованиях языков наследия ключевым остаётся вопрос о том, при каких условиях возможна устойчивость языка в длительных диаспорах и каковы механизмы языкового сдвига при изменении доменной структуры и ослаблении семейной трансмиссии [Fishman 1991: 45]. Во-вторых, медиатизация диаспорной публичности и распространение цифровых практик меняют способы участия в общности и форматы легитимации «своего», создавая новые каналы доступа к культурным ресурсам, но одновременно усиливая конкуренцию доминирующих культурных потоков [Androutsopoulos 2014: 244]. В-третьих, социальная значимость темы связана с тем, что результаты исследования применимы для проектирования диаспорных образовательных и культурных инициатив, ориентированных на поддержку языка и расширение сфер его употребления.

В настоящей статье термин *диаспора* используется как аналитическое, а не описательное обозначение. В рамках устоявшегося исследовательского подхода диаспоры характеризуются расселением вне исходной территории, сохранением коллективной памяти о родине и поддержанием устойчивых символических и социальных связей с ней [Попков 2002: 8]. Вместе с тем в критических исследованиях подчёркивается, что диаспора не является однородной и заранее заданной группой. Диаспора складывается и воспроизводится через повседневные практики, публичные высказывания и деятельность организаций, а её внутренние различия зависят от поколения, социального положения, миграционной истории и языковых биографий [Brubaker 2005: 11].

Этот подход задает общую логику исследования: черкесские сообщества за рубежом рассматриваются не как единое и однородное образование, а как внут-

ренне неоднородная диаспора. Поддержание границ этнической принадлежности в ней обеспечивается совокупностью взаимосвязанных ресурсов. К ним относятся языковые практики, системы норм и ценностей, включая традиционный *адыгэ хабзэ*, устойчивые формы коллективной самоорганизации, а также медийные и цифровые средства коммуникации. Поэтому эмпирический анализ сосредоточен не на диаспоре как целом образовании, а на конкретных и наблюдаемых механизмах сохранения и передачи этнической идентичности.

Теоретико-методологически статья опирается на конструктивистское понимание этничности и нации как социально воспроизводимых форм коллективности, поддерживаемых институтами, нормами и символическими ресурсами [Anderson 2006; Тишков 2003; Дробижева 2013]. В этой перспективе язык рассматривается не как единственный и не как автоматический маркер этнической принадлежности, а как один из ресурсов, чья роль определяется распределением доменов, идеологическими ожиданиями и инфраструктурами передачи. Социолингвистический анализ соотнесён с моделями языкового сдвига и межпоколенной трансмиссии, подчёркивающими первичность семьи для устойчивости языка и вторичность институциональных мер при утрате домашнего домена [Fishman 1991: 48], а также с подходами к описанию дву- и многоязычия, позволяющими реконструировать асимметричные профили компетенций и функциональное разграничение языков [Беликов, Крысин 2001; Вахтин, Головкин 2004].

Исследования, посвящённые отдельным локальным черкесским сообществам, уже позволили выявить важные особенности языковой ситуации в диаспоре. Существенный вклад в её изучение внесли Б.Ч. Бижоев и М.М. Абазова. Б.Ч. Бижоев подробно охарактеризовал фонетические процессы и лексические особенности речи зарубежных черкесов, а также выявил значительный пласт заимствований из арабского и турецкого языков, отсутствующих в литературном языке [Бижоев, 2000]. На материале речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции М.М. Абазова, в свою очередь, установила значительные фонетические и лексические расхождения с литературным языком, объясняемые смешением диалектов и влиянием турецкого языка [Абазова, 2014]. Эти наблюдения особенно значимы для настоящего исследования, поскольку основная часть нашей выборки приходится на Турцию. Работы, посвящённые черкесским общинам Иордании, Израиля, США и других стран, показывают, что языковая ситуация в диаспоре существенно различается: от сокращения сфер использования языка до сравнительно устойчивого двуязычного баланса [Al-Momani, Al-Momani 2013; Kreindler et al. 1995; Dweik, Omar 2016]. Вместе с тем в существующих исследованиях по-прежнему отсутствует количественно сопоставимое описание языковых профилей и практик принадлежности в многопоколенной черкесской диаспоре, основанное на масштабном массиве данных и единой системе показателей.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование выполнено в логике смешанной методологии: количественные данные анкетирования используются для описания распределений и сопоставления подгрупп, а качественные данные (открытые ответы) – для реконструкции репертуаров практик и артикулируемых угроз, сопровождающих

языковой сдвиг и воспроизводство принадлежности. Центральным измерительным решением является раздельная фиксация языковой компетенции по четырём видам речевой деятельности (понимание, говорение, чтение, письмо), что позволяет описывать асимметричные профили владения языком наследия.

Эмпирическую базу составили ответы респондентов из зарубежных черкесских (адыгских) сообществ.

Анкета включала следующие блоки:

- 1) социодемографические характеристики;
- 2) домашний языковой режим (основной/преобладающий язык общения в семье, допустимость смешанного режима);
- 3) самооценка владения черкесским языком по четырём видам речевой деятельности;
- 4) каналы освоения языка и практики поддержания (семейная социализация, институциональные форматы, самообучение);
- 5) блок идентичности (первичная самоидентификация, маркеры принадлежности, связи с исторической родиной);
- 6) цифровые практики (использование интернета и платформ для поддержания культуры/языка);
- 7) два открытых вопроса: (а) о семейных/общинных практиках сохранения идентичности и (б) о воспринимаемых угрозах языковой и культурной непрерывности.

Понятие «черкесский язык» в анкете использовалось как зонтичное обозначение для всех диалектов адыгских языков, представленных в диаспоре. Это решение обусловлено задачей сопоставимого описания языковых биографий в условиях диалектной вариативности и неоднородной этнолингвистической терминологии в разных странах проживания черкесов. При этом при интерпретации данных самооценки владения «черкесским языком» важно учитывать гетерогенность самого объекта. Как отмечает М.М. Абазова, в Турции черкесы представлены несколькими субэтническими группами (кабардинцы, абадзехи, шапсуги и др.), а в их речи произошло смешение диалектов и формирование общего диаспорного койне [Абазова, 2014: 11, 31]. В этом контексте использование в анкете зонтичного термина «черкесский язык» представляется методологически оправданным.

Исследование проводилось в формате онлайн-опроса. Участников привлекали через цифровые каналы – социальные сети, тематические сообщества, а также ассоциации и общественные структуры диаспор, распространявшие ссылку на анкету. Таким образом, выборка формировалась на добровольной основе и частично по сетевому принципу. Этот подход позволяет охватить труднодоступные и рассредоточенные группы, однако ограничивает возможность обеспечить строгую репрезентативность и точно рассчитать коэффициент отклика.

Для снижения риска повторного заполнения анкеты применялись стандартные для онлайн-опросов организационные меры. Следует подчеркнуть, что полностью исключить дублирование в добровольном онлайн-опросе методологически затруднительно; этот риск рассматривается как ограничение дизайна.

Доля незавершённых анкет была минимальной; в аналитический массив включались ответы, позволяющие корректно использовать ключевые переменные исследования (домашний языковой режим, самооценка компетенций, базовые социальные характеристики).

Анкета была доступна на четырёх языках: русском, английском, турецком и арабском. Выбор языков обусловлен географией расселения и практическими соображениями доступности инструмента для респондентов разных стран проживания.

При подготовке языковых версий обеспечивалась смысловая эквивалентность формулировок ключевых понятий и вопросов. Для терминов с высокой культурной нагрузкой (в первую очередь *хабзэ*) использовалась единая транслитерация. Понятия «родной язык» и «черкесский язык» задавались в функционально одинаковых формулировках во всех версиях анкеты.

Количественные ответы анализировались методами описательной статистики и сопоставлялись между ключевыми подгруппами (пол, возраст, тип диаспорной биографии, страна/макрорегион при достаточной наполняемости). Раздельный учёт понимания, говорения, чтения и письма использовался для реконструкции профиля компетенций и выявления типичных для диаспор асимметрий между рецептивными и продуктивными навыками, а также между устной и письменной формой владения.

Открытые ответы представляют многоязычный корпус (русский, турецкий, английский, арабский и др.). Для аналитической сопоставимости были выполнены:

- 1) перевод и смысловая нормализация формулировок с сохранением прагматики высказывания (что именно описывается как практика/угроза и как это оценивается);
- 2) тематическое кодирование по принципу множественной разметки (один ответ мог включать несколько тем);
- 3) подсчёт частот упоминаний тематических категорий в расчёте на общее число респондентов.

Тематические категории интерпретировались в трёхуровневой рамке: микроуровень (семья, домашний языковой режим, межпоколенная трансмиссия), мезоуровень (общинные организации и локальные сети, плотность общения, брачные стратегии), макроуровень (языковые режимы государств проживания, глобальные медиа, барьеры и каналы связи с исторической родиной). Такая схема позволяет соотносить индивидуальные описания с уровнями социальной организации диаспорной жизни.

Результаты и обсуждение

Эмпирический материал (N=827) позволяет описать социолингвистические механизмы воспроизводства черкесской (адыгской) идентичности в зарубежных диаспорах как систему взаимосвязанных практик, где язык выступает одновременно символом «правильной» принадлежности и ресурсом повседневной коммуникации, неравномерно распределённым по поколениям и социальным кон-

текстам. Количественные результаты представлены в логике перехода от повседневного языкового режима к профилям компетенций, каналам освоения языка и, далее, к индикаторам идентичности и цифровой вовлечённости.

Гендерный состав выборки характеризуется умеренным преобладанием мужчин: 59,7 % против 40,3 % женщин. Таким образом, данные несколько смещены в сторону мужского опыта диаспорной жизни, что необходимо учитывать при интерпретации результатов, особенно в части, касающейся участия в институциональных форматах коллективной жизни и языковой социализации детей (*диаг. 1*).

Возрастная структура демонстрирует значительную представленность старших поколений. Группа 46+ составляет около 41 % опрошенных; доля респондентов 36-45 лет – 19,5 %, 26-35 лет – 16,8 %, и 18-25 лет – 13,2 %. Дополнительно фиксируются единичные указания конкретного возраста (56, 57, 62, 67 лет и др.), что фактически расширяет категорию старшего поколения. В совокупности это позволяет говорить о том, что в исследовании доминируют носители длительной диаспорной биографии, хранящие память о практиках и идеологиях, сложившихся до цифровой эпохи, но одновременно находящиеся в контакте с её возможностями (*диаг.2*).

По стране проживания выборка преимущественно сконцентрирована в Турции (82,5 %). Остальные респонденты проживают в Иордании, Израиле, США, Германии, Сирии, ОАЭ, Австралии и ряде других стран, каждая из которых представлена существенно меньшими долями. Соответственно, полученные данные в первую очередь отражают ситуацию в турецкой черкесской диаспоре и лишь в ограниченной степени – в иных регионах расселения (*диаг.3*).

Диаграмма 3

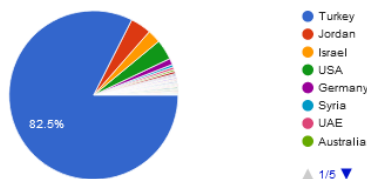
Страна текущего проживания:

Country of residence:

Yaşadığınız ülke:

بلد الإقامة الحالية:

827 responses

На уровне семейной истории 78,6 % идентифицировали себя как потомков мухаджиров, проживающих за пределами Кавказа три и более поколений; 16,6 % – как черкесов, эмигрировавших из России после 1990-х гг., небольшой сегмент указал «смешанный» вариант. Тем самым основное ядро выборки составляет классическая диаспора с глубокой укоренённостью в принимающих обществах, для которой языковые и культурные практики не могут быть описаны в терминах недавней миграции, а отражают результаты многопоколенной адаптации и переосмысления идентичности (диаг. 4).

Диаграмма 4

Ваша семья относится к:

Your family belongs to:

Aileniz hangi gruba ait?

تتنتمي عائلتي إلى:

827 responses

Языковой репертуар семей респондентов демонстрирует выраженный сдвиг в пользу языков стран проживания. В 52,2 % случаев в семье «чаще всего» используется язык принимающего государства (турецкий, арабский, английский, немецкий и др.). Только 19,1 % указали черкесский как основной язык внутрисемейного общения; ещё 25,4 % описали свою ситуацию как смешанное использование нескольких языков (диаг. 5).

Диаграмма 5

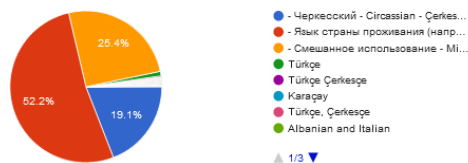
На каком языке чаще всего говорят в вашей семье?

What language is most spoken in your family?

Ailenizde en çok hangi dil konuşuluyor?

ما اللغة الأكثر استخداماً في عائلتكم؟

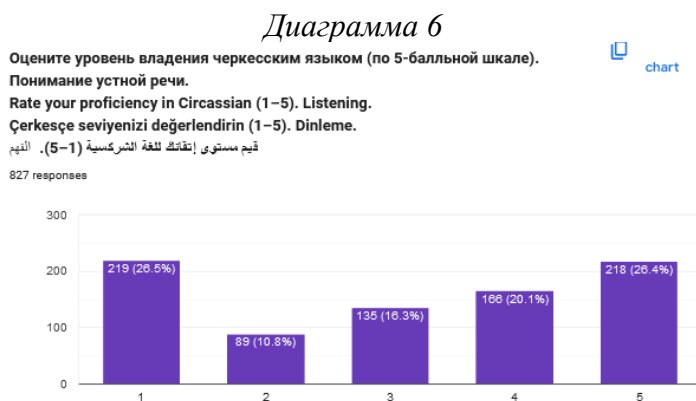
827 responses

Данные свидетельствуют о том, что для большинства семей в диаспорах язык государства проживания выполняет функцию языка повседневности, связанного с образованием, трудовой сферой и публичной коммуникацией. Черкесский язык, даже при его регулярном использовании, оказывается, как правило, ограничен внутрисемейным и общинным пространством и редко занимает позицию доминирующего кода. При этом доля семей со смешанным языковым режимом указывает на распространённость практик код-свитчинга и функционального разграничения языков в зависимости от адресата и коммуникативной ситуации.

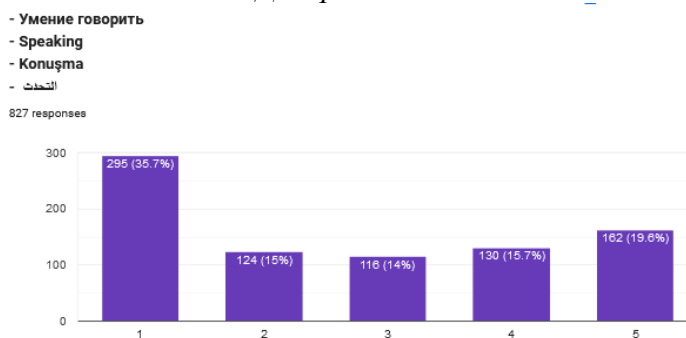
Самооценка компетенций по четырём видам речевой деятельности позволяет реконструировать характер языковой эрозии и сохранения отдельных компонентов.

При оценивании понимания устной речи распределение ответов по шкале 1–5 носит двухвершинный характер. Так, крайние категории 1 и 5 практически симметричны (26,5 % и 26,4 % соответственно), тогда как средние уровни представлены слабее (10,8 %, 16,3 % и 20,1 %). Среднее значение составляет около 3,1 балла. Такая конфигурация отражает резкую поляризацию сообщества, то есть значительная часть респондентов либо практически не понимает черкесскую речь, либо интерпретирует своё понимание как высокое. Последнее, вероятно, связано с наличием в выборке как недавних мигрантов и их потомков, так и представителей семей, где сохранялась традиция регулярного внутрисемейного использования языка (*диаг. 6*).

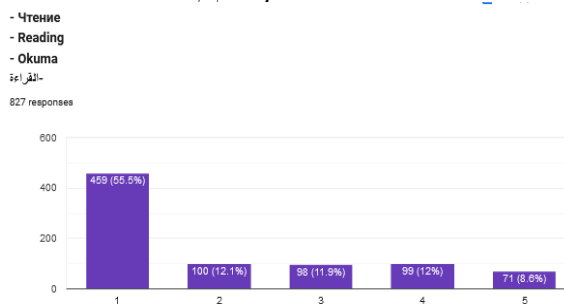
Данные по навыкам говорения демонстрируют более выраженный низкий уровень компетенций: 35,7 % оценивают свои навыки на минимальный балл, 15 % – на 2, 14 % – на 3, 15,7 % – на 4 и лишь 19,6 % – на максимальный уровень. Среднее значение около 2,7 балла. Снижение показателей по сравнению с пониманием указывает на типичную для диаспор ситуацию рецептивного, но не продуктивного владения наследуемым языком, когда пассивные знания сохраняются дольше, чем навыки спонтанного говорения (*диаг. 7*).

Диаграмма 7

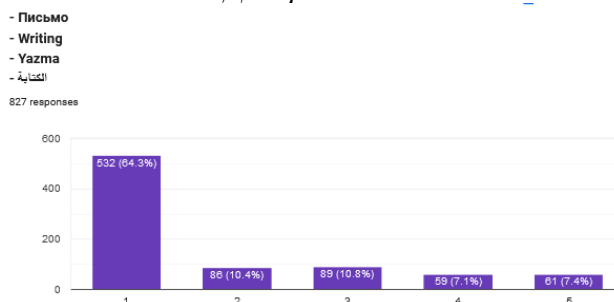
Наиболее выраженной оказывается ослабление навыков чтения и письма. В чтении 55,5 % респондентов поставили себе 1 балл, ещё около 24 % – уровни 2-3; лишь 20,6 % оценивают свои навыки чтения на 4-5 баллов. Средний балл – около 2,1 (рис. 8).

Диаграмма 8

В письме картина ещё более контрастна: 64,3 % – минимальный уровень, доля максимального уровня – 7,4 %, средний показатель – порядка 1,8 балла. Это свидетельствует о преобладании устно-бытовой формы существования языка в диаспоре и о слабой институциональной поддержке письменной нормы (диаг. 9).

Диаграмма 9

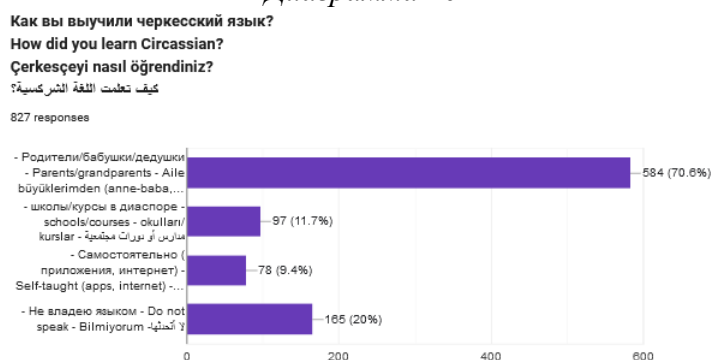

Соотнесение данных по четырём видам речевой деятельности позволяет говорить о типичной для диаспор ситуации ограниченной языковой компетенции, когда сохраняется преимущественно устное, а зачастую и реактивное владение, тогда как грамотность – ключевой компонент национальной языковой идеологии – оказывается наименее устойчивой. В терминах социолингвистического конструирования нации это означает смещение ядра черкесской идентичности из

сферы национального языка в сторону иных, неписьменных маркеров (этикет, ритуалы, символическая связь с родиной и др.).

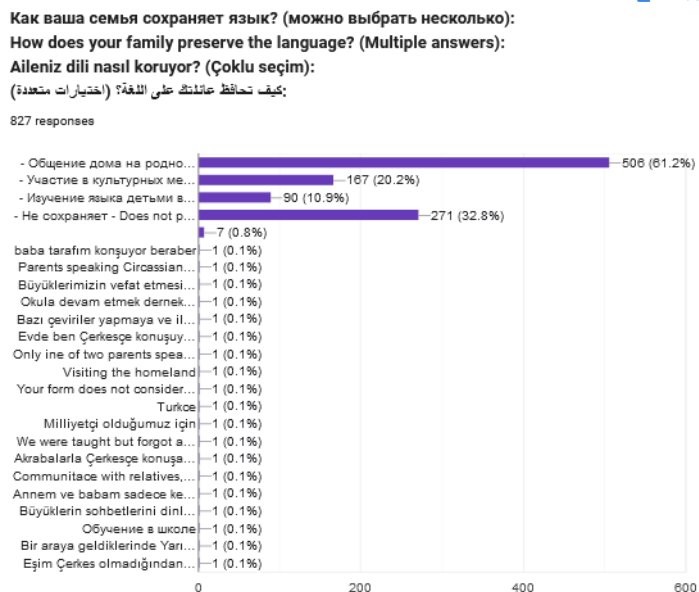
Распределение ответов на вопрос о том, как респонденты выучили черкесский язык, демонстрирует фундаментальную роль семейной социализации. 70,6 % указали родителей, бабушек и дедушек как основных агентов передачи языка. Лишь 11,7 % сообщили об обучении в школах при культурных центрах и курсах диаспоры, 9,4 % – о преимущественно самостоятельном освоении (приложения, интернет-ресурсы). При этом 20% респондентов отметили, что не владеют черкесским языком. Тем самым язык в рассматриваемых диаспорах функционирует преимущественно как семейно-наследуемый ресурс. Институционализированные формы обучения – курсы и школы при культурных центрах – играют вспомогательную и, по сравнению с семьёй, второстепенную роль. Отсутствие развитой системы формального образования на черкесском объясняет выявленный дефицит письменной грамотности. Те, кто получает язык преимущественно в устной форме дома, редко осваивают орфографическую и орфоэпическую норму в объёме, достаточном для уверенного чтения и письма (*диаг. 10*).

Диаграмма 10

На вопрос о стратегиях сохранения языка 61,2 % респондентов ответили, что в их семьях практикуется общение дома на родном языке; 20,2 % упомянули участие в культурных мероприятиях диаспоры как инструмент поддержания языка; 10,9 % указали целенаправленное изучение языка детьми в семье. В то же время 32,8 % прямо заявили, что их семья язык не сохраняет. Поскольку вопрос допускал множественный выбор, часть респондентов совмещает домашнее использование языка с участием в институциональных активностях, однако заметный сегмент демонстрирует полную или почти полную утрату языковых навыков (*диаг. 11*).

Диаграмма 11

Данные опроса свидетельствуют о высокой степени этноориентированной самоидентификации респондентов. Две трети опрошенных (66,3 %) в первую очередь определяют себя как черкесов/адыгов. Гражданская идентичность страны проживания занимает второе место (28,3 %). Остальные варианты (религиозная, панкавказская, гражданин мира и др.) набирают суммарно менее 10 %. Такая структура ответов свидетельствует, что для большинства респондентов этническая принадлежность является базовым уровнем «Я-концепции» [Лебедева 2021: 19], при этом гражданская идентичность значима, но носит вторичный, надстроечный характер. Низкая доля религиозной и иных надэтнических идентичностей указывает на слабую конкуренцию альтернативных сообществ по сравнению с черкесской общностью (диаг. 12).

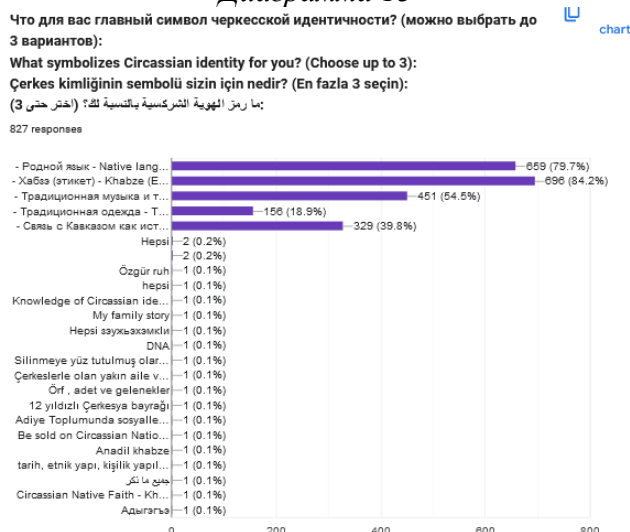
Диаграмма 12

Наиболее значимым маркером идентичности респонденты считают этический кодекс *хабзэ* (84,2 %), за которой следует родной язык (79,7 %). Третья по значимости категория – традиционная музыка (54,5 %), далее – связь с Кавказом как с исторической родиной (39,8 %) и традиционная одежда (19,1 %). Единичные открытые ответы (0,1-0,2 %) не влияют на общую картину. (прим. Поскольку

респонденты могли выбрать до трёх вариантов ответа, суммарный процент превышает 100 %). Такое распределение подчеркивает, что для опрошенных черкесская идентичность в первую очередь воплощена в нематериальных культурных кодах – нормах поведения и языке, а не в визуальных или территориальных символах. Материальные атрибуты (костюм) играют вспомогательную роль, тогда как идея Кавказа как родины важна, но отстает по значимости от этико-нормативного ядра культуры. Это позволяет говорить о преобладании культурно-ценностной, а не территориальной модели этничности в диаспоре (диаг. 13).

Диаграмма 13

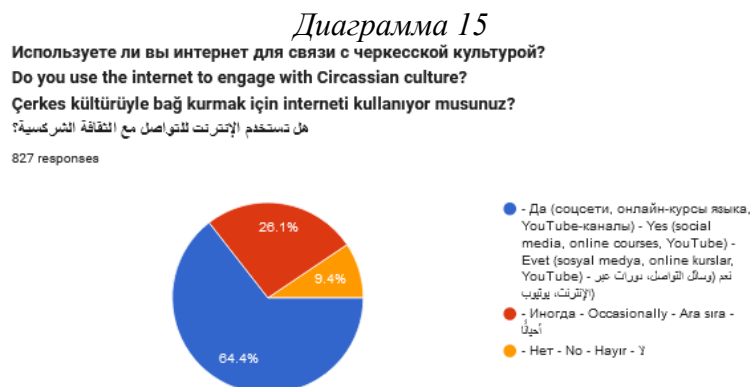

Около 40,5 % участников (9,9 % – регулярно, 30,6 % – несколько раз) уже имеют устойчивый опыт поездок в республики Северного Кавказа (Кабардино-Балкарию, Адыгею и др.). Еще примерно 8-9 % были там один раз. Почти половина выборки (45,6 %) пока не посещала Кавказ, но декларирует намерение сделать это в будущем, и лишь около 5 % не были и не планируют такие поездки. Таким образом, фактическая мобильность по направлению «диаспора – историческая родина» относительно ограничена, однако нормативно-ценностная ориентированность на Кавказ остается очень высокой. Доля принципиально не заинтересованных в поездках минимальна. Это расхождение между установками и практиками указывает на наличие объективных барьеров (экономических, визовых, политических), а не на отсутствие мотивации (диаг. 14).

Диаграмма 14

Интернет выступает ключевым каналом включенности в черкесскую культуру: 64,4 % используют его для этих целей регулярно, еще 9,4 % – эпизодически. Четверть респондентов (26,1 %) не прибегает к онлайн-ресурсам для поддержания идентичности. Следовательно, примерно три четверти выборки так или иначе вовлечены в цифровое культурное пространство, что частично компенсирует пространственную дистанцию с Кавказом (диаг.15).

Структура ответов на вопрос о конкретных платформах эту картину уточняет. На первом месте находятся группы в социальных сетях (65,9 %), значительно опережающие другие форматы. Сайты диаспоры используют 34,1 %, приложения для изучения языка – 25,5 %, черкесские Telegram-чаты – 18 %. При этом 17,4 % отметили, что не пользуются никакими платформами (показатель сопоставим с долей полностью не использующих интернет для связи с культурой). Доминирование социальных сетей массового пользования указывает на то, что поддержание идентичности чаще всего осуществляется в рамках повседневной коммуникации и неформальных онлайн-сообществ, а не через специализированные ресурсы. Значимая, хотя и меньшая, роль языковых приложений отражает понимание языка как ключевого символа этничности. Телеграм-чаты выступают более нишевым инструментом, вероятно, характерным для наиболее активной и, возможно, более молодой части сообщества.

Для углубления интерпретации количественных показателей в анкету были включены два открытых вопроса: (1) о семейных и общинных практиках поддержания черкесской идентичности в условиях многопоколенной жизни за рубежом и (2) о воспринимаемых угрозах культурной и языковой непрерывности.

Во многих ответах на открытый вопрос «Опишите, как ваша семья сохраняет черкесскую идентичность в условиях жизни за рубежом несколько поколений» сохранение понимается, прежде всего, как удержание границ общности, включая выбор брачного круга, предпочтение своего окружения (друзья, соседи, родственники), жизнь в черкесских деревнях/кварталах или регулярное возвращение в свой локальный центр (деревня предков, сезонные встречи). Эта логика представляет идентичность как продукт повторяющихся социальных практик, а не только как декларацию («я – черкес»).

В ответах, отмечающих важность сохранения языка, наблюдается широкий диапазон – от жестких языковых установок («в доме только черкесский язык») до компромиссных моделей («несколько слов», «простые фразы») и прямого

признания утраты. При этом типичен мотив, что устойчивость языка выше в сельских/компактных поселениях, а городская мобильность ведет к резкому падению компетенции уже в рамках одного поколения. Таким образом, язык в ответах часто выступает индикатором степени плотности сообщества.

Даже в тех высказываниях, где фиксируется утрата языка, *хабзэ* описывается как сохраняемый нормативный каркас, включающий правила поведения, уважение к старшим, ритуальная компетентность (свадьбы/похороны), контроль публичного образа семьи. *Хабзэ* тем самым функционирует как культурная грамматика, позволяющая воспроизводить своё даже при частичной лингвистической ассимиляции.

Участие в мероприятиях культурных центров, воскресных школ, организационной работе в общинных структурах часто упоминается как способ поддержать то, что уже не гарантируется домашней социализацией. Вместе с тем отмечается, что в условиях урбанизации и нехватки времени институциональная поддержка является необходимой, но недостаточной. Ряд ответов делает акцент на нарративах происхождения – рассказы старших, сохранение родословных, объяснение детям причин диаспорного положения («почему мы оказались здесь»). Историческая память выступает не фоном, а аргументом, объясняющим необходимость сохранять свою уникальность.

Кухня, музыка, танец, отдельные элементы одежды и видимые культурные маркеры часто описываются как наиболее доступные в современных условиях. В части ответов они оцениваются как «единственное, что осталось», но одновременно именно эти формы обеспечивают публичную презентацию идентичности (на праздниках, свадьбах, в социальных сетях), поддерживая ее узнаваемость.

Сводная тематическая разметка (с учетом того, что один ответ мог включать несколько тем) показывает следующую картину:

Таблица 1

Категория практик сохранения	№ 827	%
Домашнее использование/передача языка	612	74
Хабзэ / этикет / нормы поведения	528	63,8
Традиции/обряды в широком смысле	446	54
Компактное проживание, «внутри общины», деревня/изоляция, плотные связи «свой-свой»	262	31,6
Участие в ассоциациях/хасэ/организациях, мероприятия общины	214	26
Эндогамия/предпочтение браков внутри группы	206	25
Танцы/фольклор/музыка/инструменты	198	24
Родственные сети/взаимопомощь/регулярные встречи (как самостоятельный мотив)	176	21,2
Отсутствие практик/признание утраты («не сохраняем», «язык утрачен», «очень трудно»)	168	20,3
Кухня/еда как маркер идентичности	146	17,6
История/память (семейные рассказы, историческое просвещение, травматическая память)	132	16
Связи с родиной/поездки/репатриация	124	15
Образовательные каналы (школа, уроки, онлайн-курсы, книги/дискуссии)	88	10,6
Религия как ресурс/фон идентичности или как конкурирующая доминанта	29	3,5

В блоке об угрозах сохранению черкесской идентичности в диаспорах доминирует тема языковой утраты (формулы «язык исчезает», «не говорим дома», «нет сферы применения», «нет материалов/медиа»). В ответах исчезновение языка описывается как «неизбежное исчезновение народа». Часто фиксируется разрыв между декларативной ценностью языка и практической невозможностью или неумением поддерживать его в повседневности.

Второй по значимости кластер – ассимиляция (желание вписаться, давление доминирующего языка и образовательных траекторий). Ассимиляция в ответах осмысливается как языковая (переход на язык большинства), культурная (смена бытовых практик, ценностей, норм), идентификационная (принятие этничности/нации большинства как «своей»).

Смешанные браки упоминаются как фактор размывания языковой передачи, сети родства и плотности общения, нормативных рамок воспитания. Характерно, что часть респондентов трактует эндогамию как главный механизм демографического и культурного самовоспроизводства, причём в ряде ответов это формулируется в категоричной манере.

Многие ответы прямо связывают угрозу не с внешней средой, а с семейной практикой, отмечая, что «родители не говорят», «старшие не передают», «нет времени», «детям скучно». Здесь проявляется структурное противоречие диаспоры – культурная модель, основанная на длительном совместном быте расширенной семьи и плотном локальном окружении, переносится в условия урбанизации, занятости и расплывлённости.

Угроза сохранению черкесской идентичности описывается как невоспроизводство норм (этикет, ритуалы, поведение), конфликт поколений вокруг «обновления» *хабзэ*, замещение *хабзэ* внешними идеологиями или практиками. Часть респондентов фиксирует риск «музеефикации» культуры (когда она сводится к танцу, символикке), а не к повседневной этике и социальным отношениям.

На мезоуровне значимы жалобы на слабость или формализм общинных структур, «группировки», взаимные обвинения в «недостаточной черкесскости», недостаток привлекательных форм участия для молодёжи. В ответах отдельно подчеркивается проблема исключения и морального давления (вплоть до отказа людей возвращаться в общину после символического остракизма).

В ряде ответов угроза связывается с ассимиляционным давлением ключевых институтов – образования, армии, медиа, отсутствием прав на обучение на родном языке, дискриминацией и стигматизацией этнической видимости. Отдельная линия – разрыв с исторической родиной и барьеры репатриации; диаспора описывается как «временное» состояние, а возвращение – как структурное решение.

Сводная тематическая разметка (с учетом того, что один ответ мог включать несколько тем) показывает следующую картину:

Таблица 2

Тема угрозы	N 827	%
Утрата/неиспользование языка (в т.ч. отсутствие обучения, материалов, медиа, сфер употребления)	571	69

Ассимиляция/растворение в культуре большинства, идентификация с принимающей страной	404	49
Смешанные браки/экзогамия как фактор размывания	289	35
Слабая межпоколенная передача в семье (родители/старшие не передают)	244	29.5
Эрозия традиций/хабзэ (невыполнение, искажение, конфликт «обновления»)	219	26.5
Урбанизация, расселение, малочисленность, отсутствие плотной общинной среды	207	25
Глобализация/поп-культура/интернет/медиа как унифицирующая среда	188	22.7
Слабость организаций, разобщённость, внутренние конфликты/«мы сами угроза»	154	18.6
Политика государств проживания (ассимиляционные режимы, дискриминация, отсутствие прав/школ)	121	14.6
Разрыв с родиной/барьеры репатриации, слабые «мосты» диаспора-Кавказ	104	12.6
Социально-экономическое давление и дефицит времени/ресурсов	97	11.7
Идеологические/религиозные факторы (конкурирующие идеологии, религиозные конфликты/давление)	63	7.6
«Нет угроз/не знаю/нет мнения» и ответы без содержательной расшифровки	58	7

Заключение

Проведённый анализ показывает, что в зарубежных черкесских (адыгских) диаспорах этническая принадлежность поддерживается за счёт сочетания социальных связей и культурных практик. К числу основных факторов относятся семейные и общинные контакты, нормы *адыгэ хабзэ*, участие в ритуалах, публичные формы культурного представления и использование медиа. При этом важно учитывать, что 82,5 % опрошенных проживают в Турции. Следовательно, выявленные количественные зависимости в первую очередь описывают ситуацию в турецкой диаспоре, а распространение выводов на другие страны возможно лишь как предварительное предположение, требующее отдельной проверки.

Данные свидетельствуют о том, что сильная этническая самоидентификация нередко сочетается со снижением реального употребления черкесского языка и усилением роли языка принимающего общества. В повседневных сферах общения – в семье, учёбе и на работе – чаще используется язык большинства. Черкесский язык, как правило, сохраняется в более узких ситуациях: внутри семьи и общины, в общении со старшими, а также в контекстах, связанных с традиционно значимыми событиями. Характерны и различия в языковых навыках. Так, понимание языка обычно устойчивее, чем говорение, а чтение и особенно письмо оказываются наиболее уязвимыми. Таким образом, обнаруживается разрыв между высокой символической ценностью языка и его регулярным бытовым использованием.

Эти результаты согласуются с подходом Дж. Фишмана, который связывает устойчивость «языка наследия» прежде всего с семейным общением [Fishman 1991]. В этой логике именно домашняя и ближайшая общинная среда создают условия для сохранения языка, тогда как институциональные меры, культурные мероприятия и медийные ресурсы дают эффект главным образом тогда, когда

они поддерживают уже существующую (или восстанавливаемую) семейную практику.

В исследуемых диаспорах *адыгэ хабзэ* выступает важным основанием для признания «своих» и поддержания групповой сплочённости, частично компенсируя ослабление языкового компонента. Однако такая компенсация имеет пределы, поскольку сохранение норм и ритуалов обеспечивает культурную узнаваемость и солидарность, но само по себе не останавливает языковой сдвиг, если язык не возвращается в повседневные сценарии общения. Цифровая среда расширяет доступ к культурному контенту и облегчает коммуникацию, но редко становится устойчивым механизмом передачи языка внутри семьи; чаще она поддерживает символическое присутствие языка и вовлечённость в культуру, чем формирует привычку ежедневного говорения.

Практический вывод (прежде всего применительно к турецкому контексту) состоит в том, что меры поддержки языка целесообразно выстраивать по приоритетам, близким к логике Дж. Фишмана. Во-первых, ключевым условием является укрепление межпоколенной передачи и регулярного устного общения в семье и в малых разновозрастных группах. Во-вторых, важно развивать локальные разговорные среды – клубы, детские и семейные встречи с заданным языковым режимом, – которые расширяют семейную практику, а не подменяют её. В-третьих, требуется отдельная долгосрочная работа по развитию грамотности, последовательные учебные маршруты, материалы и регулярные занятия, поскольку именно письменная речь в диаспоре теряется быстрее всего. Без этого установки о том, что язык является обязательным признаком «правильной» черкесской идентичности, будут продолжать расходиться с реальными практиками, а язык будет закрепляться главным образом как символ, а не как средство ежедневного общения.

Ограничения исследования связаны с дисбалансом выборки (преобладание Турции), возрастной структурой респондентов, добровольным характером онлайн-опроса и использованием самооценки языковых навыков. Поэтому дальнейшие шаги предполагают сопоставимые исследования в разных странах расселения, более детальную проверку различий между поколениями и типами миграционной биографии, а также сочетание самооценок с наблюдаемыми показателями языкового поведения в разных ситуациях общения. Вместе с тем уже полученные результаты позволяют описывать ситуацию как устойчивый языковой сдвиг при сохранении сильной этнической идентичности и указывают на те уровни организации диаспорной жизни, которые являются решающими, если ставится задача замедлить или развернуть этот процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазова 2014 – *Абазова М.М.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 136 с.

Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. – Москва: РГГУ / URSS, 2001. – 440 с.

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // *Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура.* – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 272 с.

Вахтин, Головко 2004 – *Вахтин Н.Б., Головко Е.В.* Социоллингвистика и социология языка. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. – 336 с.

Дробизева 2013 – *Дробизева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – Москва: Новый хронограф: издатель Леонид Янович, 2013. – 332 с.

Лебедева 2021 – *Лебедева Н.М.* Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры // Культурно-историческая психология. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 16-24.

Попков 2002 – *Попков В.А.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. – 2002. – № 1. – С. 6-22.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – Москва: Наука, 2003. – 544 с.

Al-Momani, Al-Momani 2013 – *Al-Momani D.F., Al-Momani S.M.* Language situation among Jordanian Circassians // Educational Research. – 2013. – Vol. 4. – № 8. – P. 612-617. DOI: 10.14303/er.2013.113

Anderson 2006 – *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (Rev. ed.). – London; New York: Verso, 2006. – 256 p.

Androutsopoulos 2014 – *Androutsopoulos J.* Mediatization and sociolinguistic change // Sociolinguistics: Theoretical Debates / Ed. N. Coupland. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 236-263.

Brubaker 2005 – *Brubaker R.* The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28. – № 1. – P. 1-19. DOI: 10.1080/0141987042000289997

Dweik, Omar 2016 – *Bader S. Dweik, Rana M. Omar.* Preserving the Circassian Cultural Heritage in America // International Journal of Language and Linguistics. – 2016. – Vol. 3. – № 2. – P. 140-148.

Fishman 1991 – *Fishman J.A.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. – Clevedon: Multilingual Matters, 1991. – 431 p.

Kreindler et al. 1995 – *Kreindler I., Bensoussan M., Avinor E., Bram C.* Circassian Israelis: Multilingualism as a way of life // Language. Culture and Curriculum. – 1995. – P. 149-162.

REFERENCES

ABAZOVA M.M. Rech' kabardino-cherkesskoy diasporы v Turtsii [The spoken language of the Kabardino-Circassian diasporas in Turkey]. – Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2014. – 136 p. (In Russ.).

BELIKOV V.I., KRYSIN L.P. Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. – Moscow: RGGU / URSS, 2001. – 440 p. (In Russ.).

BIZHOEV B.Ch. Rech' kabardino-cherkesskoy diasporы v Sirii, Iordanii, Turtsii [The spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Syria, Jordan, Turkey]. In: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. Nalchik: El-Fa, 2000. – 272 p. (In Russ.).

VAKHTIN N.B., GOLOVKO E.V. Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. – Saint Petersburg: Izd-voSPbGU, 2004. – 336 p. (In Russ.).

DROBIZHEVA L.M. *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years of experience]. – Moscow: Novyy khronograf: izdatel' Leonid Yanovich, 2013. – 332 p. (In Russ.).

LEBEDEVA N.M. *Etnicheskaya identichnost' i blagopoluchie russkikh na postsovetskom prostranstve: rol' diasporы* [Ethnic identity and well-being of Russians in the post-Soviet space: the role of diaspora]. In: Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. – 2021. – Vol. 17. – № 4. – Pp. 16-24. DOI:10.17759/chp.2021170402 (In Russ.).

ПОПКОВ В.А. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина [“Classical” diasporas: on the question of the definition of the term]. In: Diasporы. – 2002. – № 1. – Pp. 6-22. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for an Ethnic Group: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. – Moscow: Nauka, 2003. – 544 p. (In Russ.).

AL-MOMANI D.F., AL-MOMANI S.M. *Language situation among Jordanian Circassians*. In: Educational Research. – 2013. – Vol. 4. – № 8. – Pp. 612-617. DOI: 10.14303/er.2013.113 (In English).

ANDERSON B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (Rev. ed.). – London; New York: Verso, 2006. – 256 p. (In English).

ANDROUTSOPOULOS J. *Mediatization and sociolinguistic change*. In: Sociolinguistics: Theoretical Debates / ed. by N. Coupland. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – Pp. 236-263. (In English).

BRUBAKER R. *The 'diaspora' diaspora*. In: Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28. – № 1. – Pp. 1-19. DOI: 10.1080/0141987042000289997 (In English).

DWEIK B.S., OMAR R.M. *Preserving the Circassian Cultural Heritage in America*. In: International Journal of Language and Linguistics. – 2016. – Vol. 3. – № 2. – Pp. 140-148. (In Eng.).

FISHMAN J.A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. – Clevedon: Multilingual Matters, 1991. – 431 p. (In English).

KREINDLER I., BENSOUSSAN M., AVINOR E., BRAM C. *Circassian Israelis: Multilingualism as a way of life*. In: Language. Culture and Curriculum. – 1995. – Pp. 149-162. DOI:10.1080/07908319509525199 (In English).

Сведения об авторах:

Л.Х. Дзасежева – кандидат филологических наук, доцент.

М.М. Кумыкова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

L.Kh. Dzasezheva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

M.M. Kumykova – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 13.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.